

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА НАРОДОВ СССР

В 9 ТОМАХ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Б. В. ВЕЙМАРН (ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР), Л. С. АЙНИ, Р. К. БЕМ, В. В. БЕРИДЗЕ,
Б. М. БЕРНШТЕЙН, К. А. БОГДАНАС, Л. С. БРЕТАНИЦКИЙ, Р. Г. ДРАМПЯН,
Л. Н. ДРОБОВ, М. Я. ЛИВШИЦ, П. В. ПОПОВ, О. П. ПОПОВА, Г. А. ПУГАЧЕНКОВА,
Г. А. САРЫКУЛОВА, Ю. Я. ТУРЧЕНКО, Н. В. ЧЕРКАСОВА

«ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО»
МОСКВА

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ СССР
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ

ИСТОРИЯ ИСКУССТВА НАРОДОВ СССР

том 4

ИСКУССТВО КОНЦА XVII—XVIII ВЕКОВ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
А. Ю. НУРОК и М. А. ОРЛОВОЙ

«ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО»
1976

ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

XVIII век был для Средней Азии временем политической раздробленности и экономического упадка — разразился тяжелый кризис, назревавший исподволь в предшествовавшем столетии. Государство Аштарханидов распалось на отдельные ханства. Еще в конце XVII века стала обособленным владением Фергана, где с 1710 года утвердилась местная династия Минг, а впоследствии кокандские ханы. Шахриябзское бекство упорно сопротивлялось притязаниям бухарских ханов, сохраняя самостоятельность. Кокандское ханство, вначале ограниченное пределами Ферганской долины, вскоре расширилось к северу, с успехом оспаривая Ташкент у бухарцев. Труднодоступные долины Бадахшана подчинялись собственным правителям — мирам.

Племенные распри мешали не только внешней торговле (караванная торговля была к тому же подорвана развитием морских путей), но ослабляли и внутренний рынок. Феодалная анархия делала города беззащитными перед кочевыми племенами и походами агрессивного иранского шаха Надира, завладевшего в 40-х годах Бухарой и Хорезмом. Города приходили в упадок и пустели. Обезлюдел Самарканд, где во время похода Надир-шаха была заселена лишь цитадель. В столице Хивинского ханства оставалось всего около 40 семей.

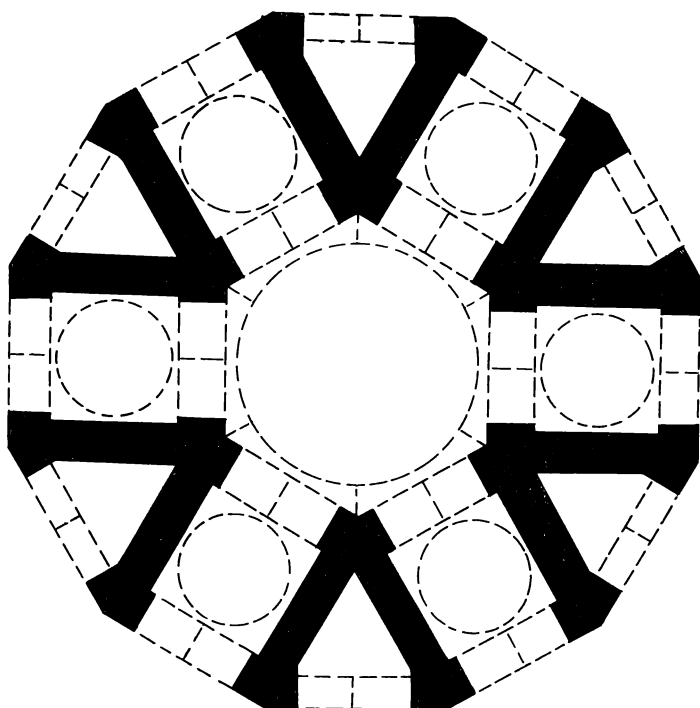
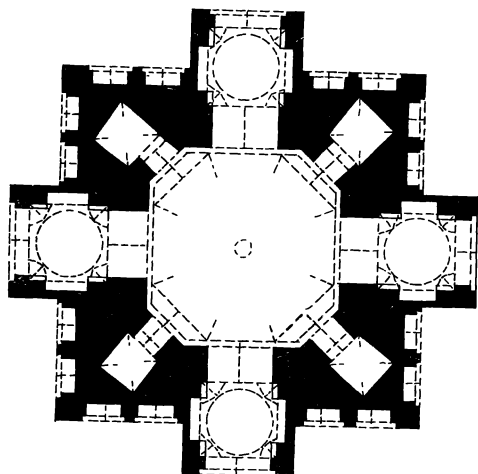
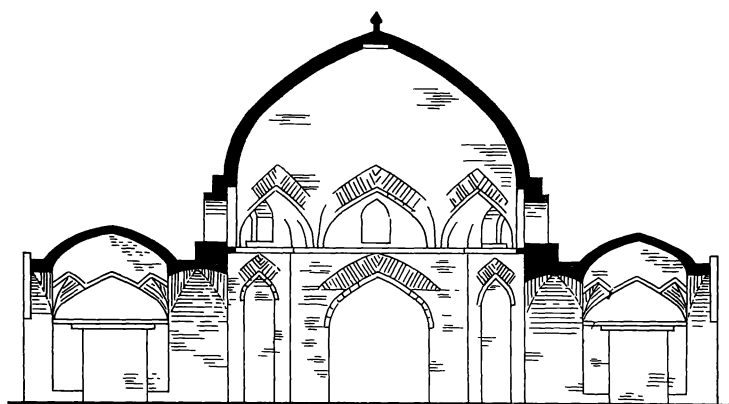
В безбрежных степях Казахстана сколько-нибудь значительных городов не было и господствовало натуральное скотоводческое хозяйство. Феодалные междоусобицы ослабляли связи между казахскими племенными объединениями — жузами, которые оказались бессильными против набегов восточных соседей — джунгар. Но при Петре I начинают налаживаться мирные торговые связи с Россией, происходит обмен посольствами. Начиная с 1731 года казахские жузы один за другим принимают русское подданство, что имеет благоприятные последствия: избавление казахского народа от порабощения джунгарскими феодалами, преодоление феодалной раздробленности и распри, уничтожение рабства.

В этой исторической обстановке начался процесс национальной консолидации народов Средней Азии. В широких массах населения зрели демократические идеи, питавшие устное народное творчество, находив-

шие отклик в произведениях мыслителей и поэтов. Туркменские эпические сказания — дестаны, сочетавшие прозу и поэзию (например, «Шасенем и Гариб»), нашли наиболее монументальное выражение в героическом эпосе «Гёр-оглы». К XVIII веку относятся некоторые части киргизского народного эпоса «Манас». От этого времени сохранились имена казахских певцов-импровизаторов — акынов (Татикара и др.); в Фергане сложилась стихотворная остросатирическая повесть о Машрабе, осмеявшая лицемерие духовенства и феодальные порядки. В век разрухи и бесправия из среды местной интеллигенции и народных слоев выдвинулись прогрессивные мыслители и поэты. К ним принадлежал выдающийся таджикский поэт и философ, писавший на таджикском языке, Мирзо Абдулкодир Бедиль (1644—1721), который жил и творил в Индии, а также туркменский поэт Махтумкули. В условиях раздробленности он выдвигает идею объединения туркменских племен, в обстановке социального угнетения он проповедует гуманизм, его обличительная поэзия проникнута элементами народной речи.

К концу XVIII века на территории Средней Азии наблюдается относительное равновесие политических сил. Восстанавливается хозяйство, возобновляется строительство, оживают города.

В течение этого столетия города сохраняли средневековую структуру. Не потеряли остроты вопросы фортификации, и если в одних городах укрепления ветшали, в других они возводились заново. В начале XVIII века Ходжент был обнесен шестикилометровым полукольцом стен с семью воротами, с севера на протяжении четырех километров естественную преграду образовывали воды Сырдарьи, к которой примыкала капитально отремонтированная цитадель. После сложения Кокандского ханства возводились крепости, защищавшие его западные рубежи от войск Бухарского эмирата. Самым значительным из этих укреплений был Махрам. В середине столетия рядом с Шахриябзом вырос маленький городок Китаб, и оба были окружены общей стеной, в черту которой вошли, кроме того, несколько селений. Глинобитные и сырцовые стены

приспосабливаются к уровню военной техники той эпохи: прорезаются небольшие треугольные бойницы для ружейного боя, полукруглые башни превращаются в бастионы с площадкой для пушек.

Для сельской округи в эту пору смут и междоусобиц фортификация получила особое значение. Территория нынешней Туркмении была усеяна множеством больших и малых глинобитных укреплений — кала, прямоугольных, реже многоугольных, со стенами, башнями, рвом и цитаделью. Примерно в таких же крепостях обитало и сельское население Ферганской долины. Летом жители переселялись под легкие навесы и в шалаши среди полей и садов, но караульные на вышках оповещали о появлении вражеского войска или кочевых банд, и все спешили под защиту крепостных стен.

Средоточием городской жизни был базар по соседству с пятничной мечетью, к которому сходились от ворот главные улицы. Среди торговых рядов ставились небольшие караван-сарай, куда стекались приезжие с грузом и животными. Тут же работали бани — хаммам — одновременно гигиеническое учреждение и клуб, место омовения, массажа, приятельских и деловых встреч. В жилых кварталах беспорядочно ветвились узкие кривые улочки и тупики. Жилой участок дробился между наследниками, распадался на части, связанные внутренней улочкой, которая отделялась от городской улицы запиравшимися на ночь воротами. Господствовала периметральная дворовая застройка жилища, но кое-где (Отрар) сохранился от раннего средневековья тип сбитых в плотные кварталы жилых ячеек без двора, что вызывалось недостатком территории внутри старых городских стен.

Монументальное строительство количественно и по масштабам сократилось в этот период так резко, что все сколько-нибудь значительные сооружения XVIII века можно перечислить без труда. Дворцы, мечети и медресе возводятся преимущественно из сырца, с балочными кровлями. Технические достижения прошлых столетий — такие, как пересекающиеся арки и сетчатые паруса, были почти забыты; строители довольствуются простыми тромпами (полукупольными или сомкнуто-сводчатыми) и щитовидными парусами, сохраняя методы кладки сводов поперечными отрезками и балхи (кладка от углов к середине). Крайне упрощенный и обедненный декор сводится главным образом к разбивке стен штукатурными тягами на зеркала с рельефом фигурных арочек.

В Хиве на протяжении XVIII века появилось всего одно монументальное здание — медресе Ширгази-хана, отметившего этой постройкой свой удачный поход на Хорасан. Медресе строилось в 1718—1720 годах хорасанскими пленными. Одноэтажное, оно лишь по главному фасаду выведено в два этажа. По обе стороны от входа расположены мечеть и аудитория. Формы предельно упрощены: купол с одинарной оболочкой опирается в углах на тромпы, выведенные сомкнутом полусводом; пояс подкупольной конструкции, подчеркнутый снизу полкой, сверху ничем не отделяется от оболочки. Свет падает через окна, прорезанные в двух про-

404. Торговый купол — чорсу в Шахрисязбе. XVIII в. Разрез и план

405. Торговый купол — чорсу в Самарканде. XVIII в. План

тивоположных нишах между тропами, и через фонари на вершине куполов. На отделку здания не хватило средств, и стены лишены декора.

На главной поперечной улице Ичан-калы — внутреннего средневекового ядра Хивы — стоит построенная в конце XVIII века большая пятничная, или соборная, мечеть города. Неправильный четырехугольник сырцовых стен (60 × 43,6 м) целиком покрыт балочным потолком с земляной кровлей на 212 деревянных колоннах; свет проникает через два восьмиугольных отверстия в крыше, а перед михрабом на южной стороне квадрат потолка приподнят и образует световой фонарь. К северной стороне примыкает минарет из обожженного кирпича с поясками узорной терракоты, один из которых покрыт голубой глазурью. Рядом с минаретом находится главный вход; в трех других стенах прорезаны узкие дополнительные двери.

Тип крытой мечети вполне отвечает характеру местного строительства, выработавшего в условиях знойного лета варианты жилых построек с крытым двором. Вместе с тем подобная форма гипостильного зала уникальна для Средней Азии и, видимо, возрождает черты очень старого типа.

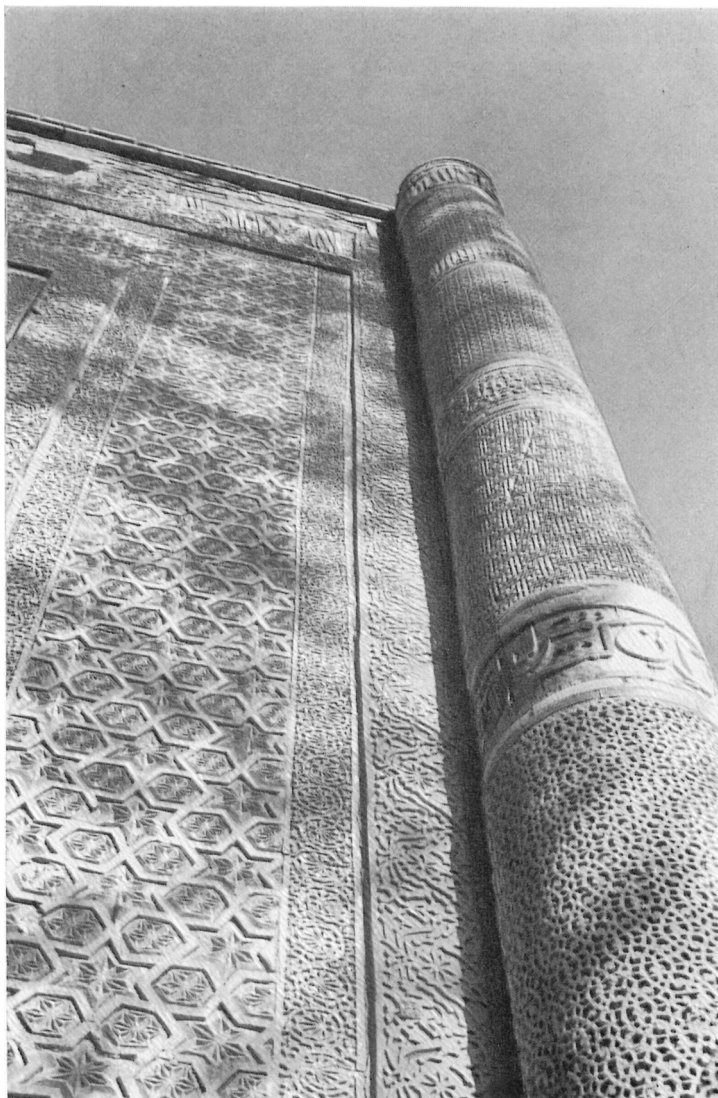
Мечеть представляет собой своеобразный музей резного дерева: среди ее колонн, в основном гладких, были и собранные из других старых зданий 25 резных, относящихся к X, XII, XIV, XV столетиям¹⁷³. К XIV веку относятся резные с бронзовыми бляхами ворота и резная деревянная доска с надписью, вставленная в стену близ михраба. По обе стороны михраба в стену вделаны мраморные доски с резными надписями, а в ближайшей к нему нише — с орнаментом. Декор самого михраба (сталактиты и росписи по стукку) выполнен позднее; к XVIII веку относится отчасти уцелевшая настенная живопись с изображением цветущих кустов.

Постройки небольшого масштаба, но оригинальных пространственных форм появляются и в других городах Хивинского ханства. Зодчий смело пренебрегает установленными канонами в Ханки, где план мечети-медресе как бы составлен из половинок двух разнородных зданий (илл. 409).

Столица самого крупного и сильного из ханств — Бухара в XVIII веке почти не прибавила к памятникам прошлых столетий значительных построек. Здесь в середине XVIII века появились ханака Шейх-Джалаль у ворот того же имени, а к концу столетия — медресе Рахман-кула, Ир-назар Ильчи и Турсун-джон. Но все они маловыразительны по массам и декору или совсем лишены последнего. В них былую монументальность и геометрическую четкость форм сменяет живописная асимметрия, свойственная произведениям массовой народной архитектуры.

В 1712 году против ворот ханской резиденции Арка на Регистане, главной городской площади, возведена в дополнение к мечети Қалян вторая пятничная мечеть Боло-хауз. Четверик стен из кирпича покрыт куполом, портал хранит остатки майоличной надписи. С юга и севера примыкали окруженные кельями дворики медресе. Айван, протянувшийся широким фронтом вдоль фасада, построен уже в XX веке.

В медресе Халифа Худойдод (1777) нет былой симметрии плана, цепочку одноэтажных келий разрывает в южном углу мечеть гузарного (квартального) типа — ее квадратный купольный зал обнесен с трех сторон

406. Мавзолей Ходжамны Кабры в Намангане. 50-е гг. XVIII в. Угловая колонна

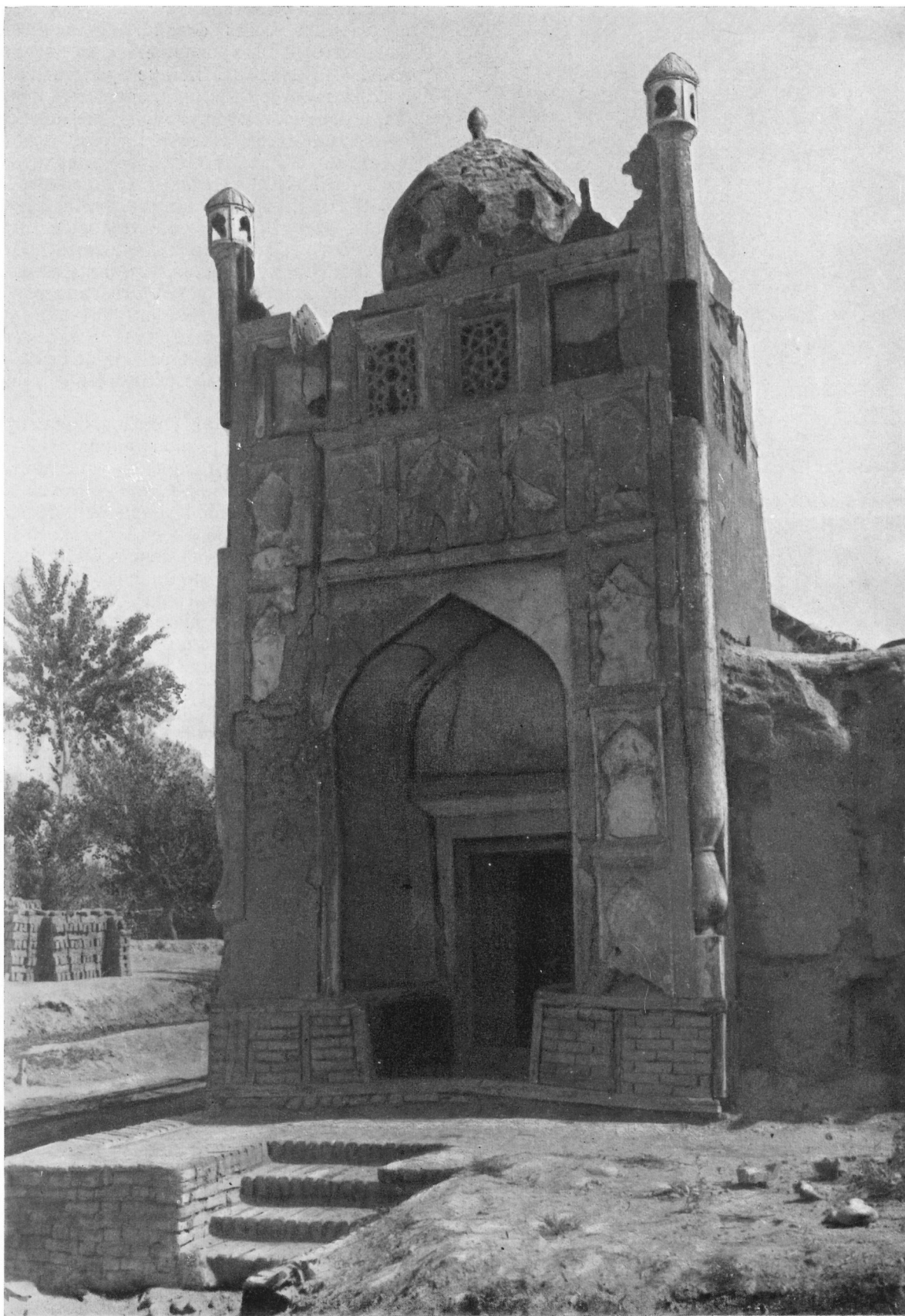
айваном на деревянных колоннах, фасады украшены одноцветными панно резного стукка. На фасадах келий медресе видны остатки майолики. Углубленная в землю цистерна — сардоба покрыта куполом, внутрь спускаются две узкие лестницы с порталами. С севера к медресе примыкало кладбище с могилой Халифа Худойдод и небольшой летней мечетью в виде айвана с расписным потолком на двух колоннах и парой небольших камер по обе стороны.

Незаурядное сооружение коммунального зодчества появилось в 80-х годах на пересечении главных улиц Шахрисабза. Это торговый купол — чорсу, 21 × 21 м в плане, с угловыми камерами и четырьмя порталами (илл. 404). Конструкция главного купола (диаметром до 12 м при высоте 14 м) проста, но не стандартна — в основание его врезаны поверх полки, завершающей стены, четыре арки и угловые полутромпы с окнами. Не исключено, что постройка имеет более раннюю основу.

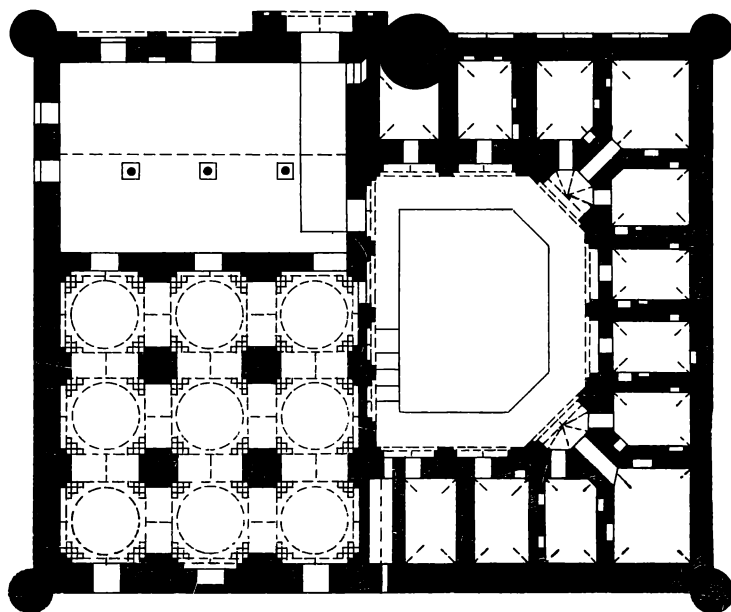
В XVIII веке построен также чорсу в Самарканде близ Регистана — у внешнего северного угла медресе

407. Башни ограды мавзолея Зулькарнайна в Маргилане.
1721/22 г.

408. Мазар Кафтарлик в Маргилане. XVIII в.

409. Мечеть-медресе в Ханки. XVIII в. План

Шир-Дор (илл. 405). По плану он как бы повторяет схему бухарского Таки-Тильпак-Фурушон XVI века с шестиугольным центральным залом. Но в отличие от бухарского самаркандский чорсу прост по плану, лишен периметральной галереи, имеет четкий двенадцатигранный объем и увенчан простым шестигранным куполом.

По существу, в рассматриваемый период лишь одна ферганская архитектура заслуживает названия школы с известной последовательностью идей и совокупностью произведений определенного направления. Стимулом к ее сложению или, скорее, сохранению была, очевидно, самостоятельность края, которую удавалось отстаивать на протяжении столетий еще с древности, когда страна звалась Паркан. Очевидно, сказалась и географическая обособленность — долина, замкнутая горными хребтами, лишь на западе выходит на равнины Средней Азии узкой горловиной. Только в Ферганской долине можно было встретить самостоятельность творческой мысли, отпечаток индивидуальности, монументальные постройки, если и не значительные по замыслу, то самобытные по формам. Черты школы двойственны. С одной стороны, ферганская архитектура XVIII века придерживается старых форм, восходящих к XI—XII столетиям: перед глазами строителей были блестящие памятники Узгена, бывшего одно время караханидской столицей Средней Азии. С другой стороны, появляются чисто народные формы, представляющие местную переработку каких-то заносных веяний. Корни их уходят на восток от Ферганы: долина сообщалась через перевал Терек-Даван с Кашгаром, и нередко эти связи были гораздо более оживленными, чем общение с Бухарой и Самаркандом. В некоторых деталях сказывается и соседство долины Зеравшана.

Самый интересный не только для Ферганы, но и для Средней Азии в целом памятник рассматриваемого периода — мавзолей Ходжамны Кабры в Намангане относится к 50-м годам XVIII столетия (илл. 406). По-

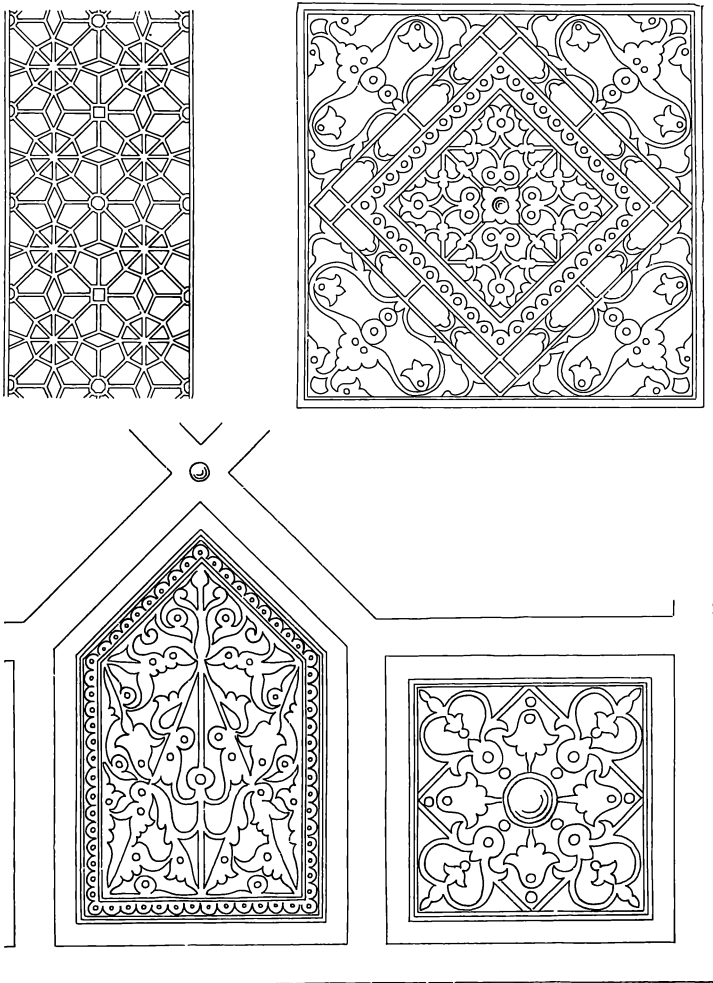
стройка монументальной усыпальницы над могилой почитаемого лица содействовала престижу города, только что сформировавшегося из поселка на соляных коях (Намак-кан). Здание представляет собой четверик толстых стен без ниш, покрытый куполом на тропях, с порталным входом. Извне пояс тропьев оформлен в виде звездчатого барабана.

Детали интерьера подсказаны архитектурой мавзолея Шах-Фазиль в Сафид-Буленде, который лежит всего в 40 километрах от Намангана, только тропы Ходжамны Кабры — со сталактитовым полукуполом, а звездочки сталактитов подкрашены синей краской с красным ободком; купол, как и в Сафид-Буленде, членится на доли, но средствами ганчевой мозаики (заполнение вырезанного в штукатурке узора подкрашенным стуком-алебастром). Выделяется на белом фоне орнамент в два цвета — красный и черный; это — круги, рамки, условное обозначение кувшина с ветками граната.

Портал со стройной аркой в орнаментальной раме решен в традициях резной терракоты. Арка опирается на колонки; угловые башенки — гильдаста тоже имеют формы цилиндрических колонн с базой в виде кувшинчика и стволом резной терракоты. Некоторые детали покрыты глазурью зеленого и красного тона. Ствол угловых башенок охвачен поясами надписей зеленой поливы, базы их — темно-красные; резные колонки арки — зеленые, их капители — морковно-красные, кирпичи архивольта покрыты попеременно зеленой и красной поливой. Орнамент терракоты на колоннах геометрический, но плитки фасада несут мотивы растительного характера и узоры, близкие орнаменту кошм. Арка портала, необычно глубокого, представляет, в сущности, свод, своеобразно украшенный рядами ганчевых сталактитов. В резной по стуку надписи над входом проставлено имя зодчего — Мухаммед Ибрагим.

Главным городом Ферганы с XVI до середины XVIII века был Маргилан, где еще недавно сохранялись две башни из обожженного кирпича (1721/22, илл. 407), стоявшие по углам ограды «усыпальницы Искандера Зулкарнайна» (то есть Александра Македонского; народная фантазия нередко без всяких оснований связывает географические пункты и постройки с его именем). Невысокие башни из обожженного кирпича с фонарем-аркатурой, узорной кладкой барьера и тимпанов, сталактитовым венчающим карнизом были решены в традициях XI—XII веков.

В целом архитектура Маргилана не монументальна и привлекает чисто народным колоритом. Здесь сложился особый тип мазаров — гробниц «святых». Это небольшие квадратные портално-купольные постройки. Оштукатуренный ганчем портал наделен декором, типичным для айванов и интерьеров: арку огибает пояс панно с рельефом фигурных арочек (иногда цветным), фасад завершают четыре-пять сквозных проемов или нишек, забранных узорными стуковыми решетками — панджара, а по гребню стены тянутся литые тюльпановидные зубцы — мадохиль. Обычная деталь портала — угловые башенки гильдаста из пустотелых литых ганчевых блоков; они имитируют деревянную колонну с базой в виде кувшинчика и фонариком вместо капители. В самом городе мазары снесены, но еще сохранились в окрестностях (мазар Ходжа Ма-

410. Дверь медресе Мир в Коканде. XVIII в. Рисунки орнамента

гыз). Описанный тип мазара был распространен восточнее Маргилана (Ош) и западнее вплоть до Коканда; характерный портал отмечал и общий вход мемориального ансамбля и вход медресе (мазар Кафтарлик, *илл.* 408, и медресе Гиштин в Маргилане).

Мечети, строившиеся в Маргилане, состояли из закрытого зимнего зала и летнего айвана, соединенных в одну линию, причем айван, как правило, намного просторнее зала. Айван маргиланской мечети Ханака помечен 1790 годом (квадратный зимний зал ее был перестроен в 1865). В соответствии с местной традицией зал примыкает к торцу айвана, вытянутого на 24 метра. Новая штукатурка скрыла бывшую отделку стен, но потолок и колонны позволяют судить о характере строгого и благородного декора XVIII века. Схема покрытия характерна вообще для мечетей подобной конструкции: по деревянным колоннам укладывались прогоны, разделявшие потолок на квадраты и прямоугольники; на прогоны ложились балки, их взаимно перпендикулярное направление в соседних квадратах уравновешивало нагрузку на прогоны. Сочетание квадратов и прямоугольников нарушало монотонность. Квадрат над михрабом оформлялся дощатым плафоном. Промежутки между балками забирались васа — мелкими и ровными горбылками. Все это есть в маргиланской

411. Капитель колонны из айвана мечети Ханака в Маргилане. 1790 г.

Ханаке; однако детали и орнамент придают этой постройке местный колорит и отличают ее от более поздних произведений. Каждый квадрат потолка заключен в рамку из рубчиков, имитирующих васа (возможно, отсюда этот прием перенесен в долину Зеравшана). Нижние грани прогонов, балок и рама покрыты резной растительной узором, а середины балок снизу закруглены и расписаны красной краской (орнамент меняется в каждом квадрате). Квадрат потолка над михрабом приподнят, украшен накладным геометрическим орнаментом из реек и расписан красным тоном. Строгому оформлению потолка под стать колонны с граненым стволом и капителью (*илл.* 411). Стройные капители делятся на две части, из которых нижняя резная. Некоторые капители сталактитовые, но несложные по форме. Колонны в большинстве своем не имели базы.

Тот же изысканно строгий стиль декора был принят в маргиланских домах XVIII века, остатки которых еще встречались лет тридцать назад. Примером может служить комната и передняя дома Мулло Сулеймана с полом почти на уровне двора. Вдоль фасада, очевидно, тянулся айван. В лицевой стене были прорезаны начинающиеся от пола проемы со ставнями; толстые сырцовые стены делились нишами, где отводилось место каждому предмету домашнего обихода: в торцевой

412. Мечеть некрополя Бенеу на полуострове Мангышлак. Начало XVIII в.

стене против входа — две большие ниши для одеял; ниши продольных стен, с тремя полками, — для посуды. Полки украшались литой из стука пластиной с вырезом в форме фигурной арки. Между нишами и над ними тянулись бордюры, выполненные техникой сграффито белым геометрическим узором на черном фоне. Потолок с резными балками местами подцвечивался красным тоном и, как в мечети, обрамлялся полоской фальшивых васа; кроме того, по краю потолка васа чередовались с резными дощечками. Все это показывает, что в рассматриваемое время уже вполне определились основные черты народного городского жилища XIX—XX веков.

К середине XVIII века селение Хоканд превращается в город Коканд — столицу Кокандского ханства. В конце столетия кокандские ханы прибегают к услугам бухарских строителей, которые переселялись сюда целыми семьями, что и определило направление местного зодчества. Медресе Нарбута-бия, или медресе Мир, построено в бухарских традициях. В этой скромной одноэтажной постройке с едва намеченными дворовыми порталами и неоштукатуренными фасадами привлекает внимание лишь резная дверь входа.

Архитектурный декор применялся в монументальных постройках довольно скупой, но техника его была разнообразна и стояла на высоком уровне. Не было забыто искусство резной терракоты: рука мастера уверенно и четко прорезает линии сложного геометрического узора — гириха на облицовках Ходжамны Кабры.

В народной архитектуре узбеков и таджиков — жилых домах, мечетях с сырцовыми стенами и балочным покрытием — декор являлся почти неизменным компонентом художественного замысла. Основные виды декора: роспись, резьба по стуку и дереву. Из стука выполнялись решетки геометрического рисунка, декоративные панно, бордюры в технике резьбы и мозаики.

О настенной росписи Хивинского ханства можно судить по ее остаткам на южной стене упомянутой выше пятничной мечети в Хиве. Характерная местная манера состоит в отсутствии рамок, отказе от условности и стилизации рисунка, присущих росписям Бухары или Самарканда. В Хиве это не букеты в кувшине, а цветущие в грунте кусты, среди которых нетрудно узнать шиповник, ирисы и другие дикорастущие или садовые цветы, размещенные как бы без определенной системы на поверхности стен, в простенках и нишах. На дощечках потолка (они чередовались с васа) цветочный узор нанесен небрежными круглыми мазками — с расстояния в 4—5 метров эти красочные пятна соединяются в живописную композицию. Подобная манера росписей стен и потолка повторилась позднее в декоре хивинского дворца Таш-хаули (1837).

Яснее всего определяются для XVIII века локальные школы резьбы по дереву, которой украшались двери, потолки, колонны.

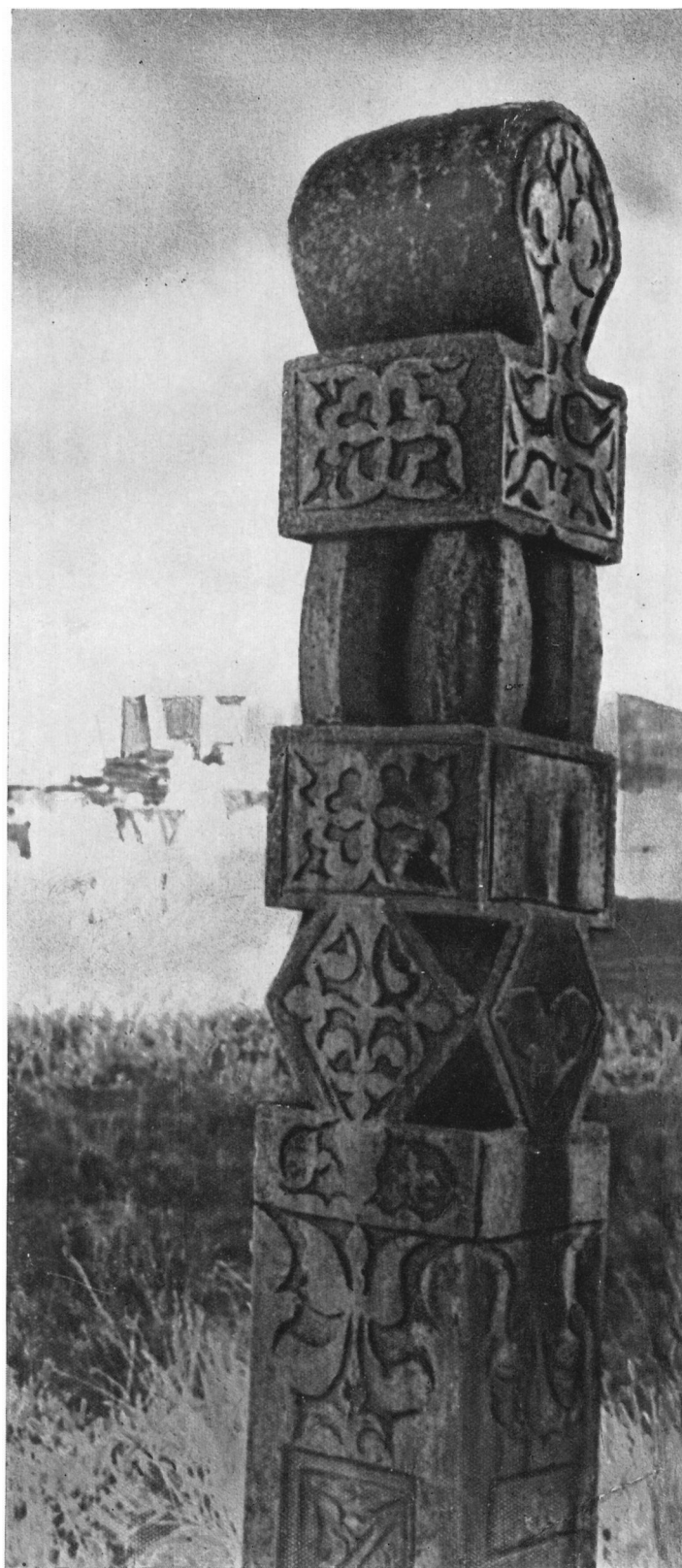
Дощатые одностворчатые двери Хивы или покрыты сплошным ковром узора или центральное поле заполняет большой каплевидный медальон, а углы занима-

ют четверти такого медальона; верх и низ полотнища очеркнуты орнаментальными, часто эпиграфическими поясами. В Бухаре, Самарканде, Ташкенте двери двустворчатые, филенчатые. Распространен стандарт в три филенки — средняя вытянутая, верхняя и нижняя почти квадратные. Поле филенки заполняется неглубокой резьбой мелкого геометрического или растительного узора.

Четко выражены черты ферганской школы. К лучшим ее произведениям следует отнести двустворчатую дверь кокандского медресе Мир (*илл. 410*). Орнамент ее собран из отдельных резных дощечек, обведенных слегка выступающим контуром и составляющих простейшие геометрические комбинации. Характер неглубокой резьбы мелкого растительного и геометрического узора тот же, что в орнаменте потолков дома Мулло Сулеймана и мечети Ханака. И там и здесь многократное повторение того или иного несложного мотива образует сетку.

Значительно варьируют по районам формы и орнамент колонн. Предположительно XVIII веком датируется колонна из села Пасруд в Зеравшанских горах (Республиканский историко-краеведческий музей имени Рудаки, Пенджикент). Ее орнамент и детали (четырегранный капитель с арочками, тройные наросты по концам подбалок) воспроизводят черты резного дерева Зеравшанской долины IX—XII веков (импост урмитанской колонны, зооморфные консоли). Традиционны для своего региона и формы туркестанской колонны, помеченной 1196 годом хиджры, то есть 1782 год (хранится в мавзолее Ходжа Ахмеда Ясави). Как колонны средневековых Туркестана и Отрара она вырезана комлем вверх и как оттарские увенчана капителью квадратного плана со срезанными углами, а граненые части переходят снизу в круглое сечение, но без базы. Капитель и граненые части ствола обильно покрыты резьбой, где любопытно сочетаются традиции растительного орнамента XI—XII веков (трех- и пятилистник, волнистый стебель), простейший узор позднего времени (крестики, ромбы, солярные круги) и рисунки, свойственные кошмам.

Киргизские и туркменские племена, ведущие кочевой образ жизни, пользовались переносным жилищем — юртой. Часть этих народов перешла на оседлое хозяйство и строила постоянные дома из битой глины или сырца с балочными покрытиями. От XVIII века эти хрупкие постройки не сохранились. Но кочевникам было не чуждо и более монументальное строительство: близ зимовок на кладбищах ставились мечети, мавзолеи, надгробные камни, оградки вокруг семейных захоронений. Именно оградки были необычайно интересны и многообразны на киргизских кладбищах в долинах Чаткала и Таласа. В настоящее время нельзя уверенно датировать какие-нибудь из этих построек XVIII веком, но можно судить о них по более поздним образцам с угловыми башенками, арочными входами и нишами, нарядной ажурной кладкой из жженого кирпича или сырца. Более долговечны оказались каменные надгробия туркменских кладбищ на западе Туркмении и полуострове Мангышлак. Формы надгробий разнообразны: фигурные стелы квадратного и прямоугольного сечения, горизонтальные надгробия с полукруглым гребнем и такими же стелами по кон-

413. Намогильный камень. Некрополь Камыспай на полуострове Мангышлак. Конец XVIII в.

414. Помудский осмолдук. XVIII в.

415. Текинский ковер гилем. Конец XVIII в. Фрагмент

416. Медный сосуд из Бухары. XVIII в.

цам, вытянутые округлые или плоские надгробия на ступенчатом цоколе (наиболее распространенный вариант). Иногда надгробие снабжено углублением для светильника, прочерченным или рельефным изображением холодного оружия. Встречаются и каменные оградки, украшением которых служили ниши в орнаментальной рамке.

Казахи тоже поддерживали традиции монументального зодчества при постройке мечетей, мавзолеев или надгробных памятников на обширных родовых кладбищах, слагавшихся по соседству с зимовьями на плато Устюрт и полуострове Мангышлак (илл. 412). Мавзолеи квадратного плана возводились из грубо околотога камня-ракушечника с облицовкой фасада тесаными плитами; шлемовидный купол без барабана выполнялся горизонтальной кладкой с напуском рядов камня. Архитравный или арочный вход лежит в плоскости фасада или немного углублен в корпусе здания. Любопытно, что облицовка фасада имитирует кладку глинобитных стен хорезмийских усадеб — хаули. Нишки фасада и орнаментальное обрамление входа тоже заимствованы от глинобитных построек.

Об особенностях искусства Казахстана того времени свидетельствуют и многочисленные надгробные камни на тех же родовых казахских кладбищах. Они делятся на несколько типов: каменные ящики — сагана, вытянутые надгробники округлого профиля — койтасы (возможно, переработка скульптуры жертвенного барана), мемориальные стелы квадратного и октогонального сечения — кулуптасы. Последние особенно характерны для местных некрополей. Обычно они украшены плоскорельефным узором растительного характера, иногда изображением оружия, надписями и большей частью увенчаны шаровидным или круглым наголовьем (илл. 413). Прообразом кулуптасов считаются каменные бабы — балбалы кочевых народов раннего средневековья.

Обращаясь к изобразительному и декоративно-прикладному искусству Средней Азии, приходится отметить, что первое к XVIII веку в значительной мере утратило былые достижения.

Расцвет миниатюры позади, однако в XVIII веке она не исчезла. Утратив традиции блестящего придворного искусства, миниатюра склоняется к манере народного лубка. О распространенности ее говорит наличие в собраниях Государственного Эрмитажа иллюстрированных списков поэмы Назима Харави «Юсуф и Зулейха» и дивана Бедия, происходящих из Дарваза — с окраины Бухарского эмирата (илл. 417). Миниатюры невелики (8×11 см), и палитра красок небогата, с преобладанием зеленой, розовой и черной. Крупные фигуры персонажей заполняют пространство при почти полном отсутствии элементов пейзажа. Рисунок наивен, но проникнут движением. На поля рукописи местами вкрапляются стилизованные букеты.

К элементам пластики можно отнести оформление выходной части медных пушек, отлитой в виде оскаленной пасти дракона — аждаха (эта форма идет от многовековой традиции мраморных водосливов).

Нигде не выражены столь непосредственно потребности, вкусы и навыки широких слоев населения, как в прикладном искусстве, изделиями которого пользовались горожане, селяне и кочевники. Тем более что эта продукция создавалась не только в ремесленных цехах мастерами-профессионалами, но и прямо в семье, где любая женщина была не только хозяйкой, но также искусной вышивальщицей, у кочевников — ковровщицей, у горцев — горшечницей. К сожалению, ограниченный круг датированных произведений не дает возможности составить полное представление о декоративно-прикладном искусстве XVIII века.

Для кочевых народов — туркмен и киргизов — особенно характерно ковроткацкое искусство. Ворсовые ковры и безворсовые паласы разного размера и назначения играли большую роль в быту кочевого населения: ими устилали пол юрты, завешивали вход, ковровыми полосами скрепляли деревянный остов, опоясывали кошмы покрытия юрты. Из ковров сшивались торбы и чумалы, переметные чересседельные сумки — хурджумы, мешки и мешочки для мелкой утвари. Ковры ткались из тонкой овечьей шерсти, окрашенной стойкими, преимущественно растительными красителями, на горизонтальном ткацком станке руками женщин-мастериц, хранивших давние традиции орнамента.

Ряд туркменских племен прославился своими коврами. Гамма тонов туркменских ковров довольно ограничена (красный, синий, белый, черный, желтоватый, реже зеленый), но удивительно звучна и богата оттенками, ворс блестящий, густой и упругий. При относительно небольшом выборе основных орнаментальных мотивов они кажутся неисчерпаемыми благодаря вариации расцветки того или иного элемента. Для рисунка характерно равномерное распределение по красному полю более светлых двух- и трехцветных многоугольных медальонов — гюль (цветок, роза). С ними чередуются более мелкие фигуры. Внутри этих элементов заключены особые узоры — гёли. Каждый туркменский род — салоры, теке, йомуды и другие — выражал в узоре ковров племенные тотемистические представления. Сначала это была птица или зверь, иногда растение, но постепенно узоры утратили сходство с оригиналом, стали геометризированным символом. Орнаментальное поле ковра обрамляется неширокой узорной каймой.

В Государственном Эрмитаже хранится текинский ковер гилем XVIII века (илл. 415). На его вишневом поле расположены в 13 рядов крупные гёли, а промежутки заняты более мелкими ромбами со срезанными углами; все это обведено узкой каймой в три полосы.

Выделяется красотой рисунка йомудский осмолдук XVIII века (Музей этнографии народов СССР) с изящными белыми на красном поле силуэтами бегущих птичек, по трем сторонам его огибает белая кайма с геометризованным мотивом волнистого стебля. Не менее хорош другой осмолдук (в той же коллекции) с растительными мотивами и тройным рядом пышных кистей. Осмолдук — парадная верблюжья попона для свадебной церемонии — сшивался из двух ковровых кусков пятиугольного контура с оторочкой из бахромы и кистей; после свадьбы осмолдуки украшали внутренность юрты или превращались в торбы и чучалы. К XVIII веку относится еще ряд экспонатов этнографического музея и Государственного музея искусства народов Востока в Москве: йомудские осмолдук (илл. 414) и капундук (обрамление входа), эрсаринский кап, или мафрач, чучал (сумка для приданого). Сохранившиеся салорские ковровые изделия все не моложе XVIII — начала XIX века, так как позднее это племя было вытеснено со своих исконных мест обитания. В этнографическом музее есть несколько салорских капов, имеется также энси — дверная завеса, измельченный орнамент которой образует П-образную раму с перечеркнутым горизонтальным средним полем.

В ковроделии были искисны и киргизы, особенно ферганские. Киргизские ковры по узору и расцветке значительно отличаются от туркменских, которым они в XVIII веке уступали размерами: туркменские ковры достигали в длину четырех и более метров, киргизские — не превышали трех. Геометрический линейный узор ферганских ковров ложился ровной сетью синего цвета по красному полю или красным узором с черным контуром по синему. Из-за отсутствия красок другие тона почти не применялись. В орнамент вводились родовая тамга, зооморфные элементы — кучкорак (рог барана), тья-табан (след верблюда) и др. Орнаментальное поле обычно окружалось каймой. Главным центром ковроделия был в Фергане район Андижана.

417. Миниатюра «Юсуф и Зулейха едут в сады». Дарваз. 1797/98 г.

Киргизы кочевали также по соседству с туркменами в прикаспийских степях. В фондах ашхабадских музеев имеются безворсовые киргизские осмолдуки с Мангышлака. Их узор не выткан, а расшит многоцветной шерстью по белому фону. Довольно реалистичные изображения всадников на конях, верблюдов, быков, козлов сочетаются на них с растительными мотивами и символическими фигурами.

У казахов ковры и паласы заменяются кошмами с характерными приемами выделки и орнамента.

В крупных городах — Бухаре, Самарканде и других одним из самых распространенных изделий текстильного ремесла была набойка. Орнамент наносился на белую хлопчатобумажную ткань посредством резного штампа из твердого дерева — колыба красной и черной краской, редко с добавлением синей и желтой. Разнообразный орнамент колыбов давал сплошной узор, обрамляемый по краям бордюром несложного

рисунка. Набойки употреблялись для одеял, на подкладку одежды, занавесы и пр. Судя по сохранившемуся от XVIII века головному убору из набойки орнамент ее близок более позднему.

Важную роль в быту играли декоративные вышивки — сузани с многоцветным узором по красному, белому, черному полю, которыми зашивались ниши и стены комнат. Вышивка покрывала также части костюма — тубетейки, мужские поясные платки, ворот платья, тесьму для оторочки принадлежностей женского костюма. Как и прежде, на высоком уровне стояло золотошвейное мастерство, центром которого была Бухара. Золотой и серебряной нитью расшивались халаты хана и его челяди, обувь, женские безрукавки.

Богато и многообразно ювелирное искусство — женские ожерелья, серьги, налобные украшения, браслеты, кольца. В работах по серебру и золоту применялись чеканка, филигрань, зернь. Но не только в угоду модницам работали ювелиры; оружие с рукоятью из кости, в серебряных и золоченых ножнах, отделанное бирюзой, сердоликом и другими камнями, вывозилось в сопредельные страны. Образцы холодного оружия XVIII века бухарского производства хранятся в Государственном Эрмитаже.

В металлических изделиях бронза все чаще заменяется красной и желтой медью. В большом ходу была чеканная медная посуда — блюда, кувшины для воды — афтоба, кумганы для кипячения воды (которые лишь позднее получили название чойджуш — чай был в XVIII веке редким напитком), рукомойники. Центрами этого ремесла были Бухара, Самарканд, Хива. Афтоба и кумган грушевидной формы на поддоне снабжены фигурной ковanej ручкой, их узкое горло опоясано рубчатым валиком и закрыто крышечкой, иногда ажурной. Носик кумгана плотно прилегает к горлу, у афтоба он отделен от тулова и загнут на конце. Все части сосуда орнаментировались чеканным растительным узором, в который кое-где включены выпуклые

каплевидные медальоны. Орнамент обогащался соединением металла разных оттенков. Для Бухары характерна уплощенная с боков форма сосуда. Образцы чеканной посуды XVIII века хранятся в Бухарском областном краеведческом музее и Музее искусств Узбекистана в Ташкенте (илл. 416). На одном из кумганов читается подпись мастера Баратбая и дата — 1795 год.

Керамика Самарканда, Ташкента и присырдарьинских городов (Отрар, Сыгнак и др.) — блюда, чаши, тазы (тагора) — покрываются мутной поташной поливой. Неприхотливый и однообразный узор в большинстве состоит из волнистых линий, спиралей, звездочек, распределяемых концентрически вокруг лучевого солярного знака на донце. В расцветке преобладают голубой тон и марганец, интенсивность которого меняется от светло-фиолетового до почти черного.

Сохранившиеся памятники архитектуры и прикладного искусства Средней Азии и Казахстана свидетельствуют о том, что художественное творчество таджиков и узбеков при тесном соседстве их расселения в XVIII веке соприкасалось очень близко и нередко, особенно в больших городах, не поддается разграничению. Черты художественной культуры туркмен, казахов, киргизов, также взаимосвязанных между собой, обозначаются более наглядно.

Вместе с тем в искусстве Средней Азии и Казахстана XVIII века очень ясно видно различие путей развития его официальной и чисто народной ветвей. Те его стороны, которые связаны с придворными кругами (монументальное зодчество, миниатюра и т. п.), идут на убыль. Массовое строительство и ремесла, рассчитанные на потребности широких слоев населения, не требующие капитальных затрат, стойко выдерживают превратности судьбы, сохраняя художественные достоинства. Одаренность народных мастеров раскрывается не только в уникальных сооружениях, но и в том, что составляло повседневную обстановку трудовой жизни.

- ¹⁵⁹ Аршак Чобанян и некоторые исследователи ошибочно относили эти фрагменты к сцене принятия христианства. В принадлежности этих фрагментов к сцене «Явление ангела Григорию Просветителю» убеждает имеющаяся в Эчмиадзине копия начала XIX века с этой композиции.
- ¹⁶⁰ Шахатунян. Надписи Эчмиадзинского кафедрального собора и пяти областей араратских. Вагаршапат, 1841 (на арм. яз.).
- ¹⁶¹ Е. Мартикян. История армянского изобразительного искусства. Айастан, 1971 (на арм. яз.); М. Казарян. Армянское изобразительное искусство в XVII—XVIII вв. Ереван, 1974 (на арм. яз.).
- ¹⁶² Аракел Даврижеци. Книга историй. М., 1973.
- ¹⁶³ Тем не менее Е. Мартикян приписывает Степаносу Леаци ряд не принадлежащих ему картин, исполненных в середине и во второй половине XVIII века (см. указ. соч.).
- ¹⁶⁴ «Джамбр» — памятная книга-зерцало и сборник всех обстоятельств святого престола Эчмиадзина. М., 1958.
- ¹⁶⁵ Согласно «Джамбру» католикос Карапет «поручил рисовать на главном алтаре изображения двенадцати апостолов, украшая его позолотой и разноцветными узорами» (стр. 97).
- ¹⁶⁶ Дата смерти Акопа Овнатяна 22 февраля 1757 года установлена М. Казарян.
- ¹⁶⁷ Е. Мартикян. Указ. соч.
- ¹⁶⁸ Образцы ювелирных золото-серебряных и других изделий, выполненных армянскими мастерами, находятся в музеях Еревана и других городов нашей страны, во многих армянских храмах, зарубежных музеях и храме св. Акопа в Иерусалиме.
- ¹⁶⁹ О слущих поясах см. также главы «Искусство Белоруссии» и «Искусство Литвы». Коллекции поясов хранятся в Государственном Историческом музее в Москве, Музее этнографии народов СССР в Ленинграде, в музеях Минска и Вильнюса, в Эчмиадзинском храме и ряде частных собраний.
- ¹⁷⁰ Крупными хранилищами коллекций художественной вышивки являются Иерусалимский и Эчмиадзинский храмы, Исторический музей Армении в Ереване; имеются и частные собрания.
- ¹⁷¹ Цитируется по кн.: Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. Кировабад. Очерк архитектурной истории города. М., 1960, стр. 37.
- ¹⁷² От редакции: в домах карадам — древнейших подземных или наземных, часто примыкающих к косогору жилищам истории архитектуры отмечают как своеобразие конструкции перекрытий в виде деревянного ступенчатого купола, так и сходство с грузинским дарбази и армянским глхатуном (М. Усейнов, Л. Бретаницкий, А. Саламзаде. История архитектуры Азербайджана. М., 1963, стр. 11, 328).
- ¹⁷³ См. том 2 настоящего издания.

- Pirang H. Das Baltische Herrenhaus, 1. Riga, 1926.
 Vaga V. Das Schloss Põltsamaa, ein Denkmal der Kunst des 18. Jahrhunderts in Estland. Sb. GEG, 1929. Tartu, 1931.
 Vaga V. Eesti kunst. Tartu, 1940—1941.

ИСКУССТВО МОЛДАВИИ

- Искусство Молдавии. Очерки. История изобразительных искусств в Молдавии. Кишинев, 1967.
 История Молдавской ССР. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции, т. I. Кишинев, 1965.
 Balş G. Bisericile si mănăstirile moldovenesti din veac. al XVII —lea şi al XVIII —lea. Bucuresti, 1933.
 Tiganco N. Mănăstirea Rudhi. Chişinău, 1928.

ИСКУССТВО ГРУЗИИ

- Амиранашвили Ш. Вклад Грузии в сокровищницу художественной культуры. Тбилиси, 1963.
 Амиранашвили Ш. История грузинского искусства. М., 1963.
 Амиранашвили Ш. Грузинская миниатюра. М., 1966.
 Беридзе В. Грузинская архитектура с древнейших времен до начала XX века. Тбилиси, 1967.
 Джандиери М. И., Лежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940.
 Лежава Г. И. и Джандиери М. И. Архитектура Сванетии. М., 1938.
 Северов Н. П. Памятники грузинского зодчества. М., 1947.
 Чубинашвили Г. Н. и Северов Н. П. Пути грузинской архитектуры. Тбилиси, 1936.

ИСКУССТВО АРМЕНИИ

- Арутюнян В. М. и Сафарян С. А. Памятники армянского зодчества. М., 1951.
 Драмбян И. Р. Группа армянских серебряных окладов XVII—XVIII вв.— В сб.: «Հայագիտական հետազոտություններ», вып. I. Ереван, 1974.
 Драмбян Р. Изучение армянской средневековой живописи. (Ее история и современное состояние).— «Известия АН Армянской ССР. Общественные науки», 1946, № 6, стр. 35—52.
 Дурново Л. А. Армянская набойка. М., 1953.
 Дурново Л. А. Краткая история древнеармянской живописи. Ереван, 1957.
 Казарян М. Художники Овнатяны. М., 1968.
 Левонян Г. Овнатяны в истории армянской живописи.— В сб.: «Очерки по истории искусства Армении». М.—Л., 1939.
 Халпахчян О. Х. Армяно-русские культурные отношения и их отражение в архитектуре. Ереван, 1957.
 Халпахчян О. Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). М., 1971.
 Халпахчян О. Х. Из истории строительства армян на Дону.— «Историко-филологический журнал», № 2. Ереван, 1974 (резюме на армянском языке).
 Դավթյան Ս., Հայկական անդինագործություն, Երևան, 1972;
 Հասարակական Մ. Ս., Հայրենի բերդը, «Հայկական հայագիտական հանդես», հ. գ. Պետություն, 1972;
 Հասարակական Մ. Ս., Սյունիքի XVII—XVIII դարերի ճարտարապետական համալիրները, Երևան, 1973;
 Վան, 1974;
 Հայ արվեստի և մշակույթի պատմություն, Անթիլիաս, 1956;
 դարձված, XVII—XVIII դդ.: «Նյութեր և ուսումնասիրություններ Հովհաննիսյան Գ., «Էջմիածնի տաճարի նկարագրողական ու ծաղկա-

ИСКУССТВО АЗЕРБАЙДЖАНА

- Абдуллаев Н. А. Ковровое искусство Азербайджана. Баку, 1971.
 Ализаде Г. М. Народное зодчество Азербайджана и его прогрессивные традиции. Баку, 1963.
 Аскерова Н. С. Архитектурный орнамент Азербайджана. Баку, 1961.
 Бретаницкий Л., Датиев С., Мамиконов С. Дом Шекихановых и его росписи.— «Памятники архитектуры Азербайджана. Сборник материалов». Баку, 1946, стр. 83—92.

- Бретаницкий Л. С. Дворец шекинских ханов.— «Архитектура Азербайджана. Очерки». Баку, 1952.
 Бретаницкий Л., Саламзаде А. Кировабад. Очерк архитектурной истории города. М., 1960.
 Веймарн Б. В. Из истории искусства Азербайджана. Росписи Дворца-музея в городе Нухе.— «Искусство», 1938, № 3, стр. 115—124.
 Казиев А. Ю. О видах бытового искусства.— В сб.: «Искусство Азербайджана», вып. IV. Баку, 1954, стр. 9—51.
 Керимов Л. Азербайджанский ковер, т. I. Баку—Л., 1961.
 Миклашевская Н. М. Мотивы поэм Низами в росписях дома Шекихановых.— В сб.: «Искусство Азербайджана», вып. II. Баку, 1949, стр. 129—142.
 Миклашевская Н. М. Стенные росписи Азербайджана XVIII—XIX вв.— В сб.: «Архитектура Азербайджана. Очерки». Баку, 1952, стр. 467—510.
 Нуриева А. Я. Старое народное жилище Апшерона.— «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 148—156.
 Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана XVI—XIX вв. Баку, 1964.
 Саламзаде А. Градостроительство Азербайджана в XVI—XIX вв.— В сб.: «Искусство Азербайджана», т. VII. Баку, 1959, стр. 160—197.
 Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. М., 1963.
 Эфенди Р. Ювелирное искусство Азербайджана. Баку, 1964.
 Эфенди Р. Художественная вышивка Азербайджана (XVI—XVIII вв.).— «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1969, № 1, стр. 84—93.
 Эфенди Р. К изучению азербайджанских ковров XVIII в. и их орнаментальных мотивов.— «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», 1969, № 3, стр. 106—117.
 Эфендијев Р. Азербайжанан бәдиі сәнәткарлығы. Азербайжан метал мәмулаты вә зәркәрлик. Бақы, 1966-чы ил.
 Эфендијев Р. Тахта үзәриндә бәдиі ојмалар (XVIII—XIX әсрләр) Азәрб. ССР ЕА хәбәрләри, 1966, № 3.
 Эфендијев Р. Азербайжанда тахта үзәриндә ојма, бәзәк нүмунәләри (XVIII—XIX әсрләр) сәһ. 110—117.— «Известия Академии наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства», № 3, Баку, 1966.
 Саламзаде Ә. В., Садыгзаде Ә. Ә. (XVIII—XIX әсрләрдә Азәрбайжанда јашајыш биналары. Бақы, 1961-чи ил.

ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

- Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Отрар XVI—XVIII веков по итогам раскопок 1971—1973 годов.— В сб.: «Древности Казахстана». Алма-Ата, 1975.
 Воронина В. Л. Неизвестные памятники Средней Азии.— «Материалы по истории и теории архитектуры Узбекистана», вып. I. М., 1950, стр. 84—100.
 Воронина В. Л. Народные традиции архитектуры Узбекистана. М., 1951.
 Воронина В. Л. Некоторые данные о памятниках зодчества Узбекистана.— «Архитектурное наследство», 3. М., 1953, стр. 107—129.
 Воронина В. Л. Строительные методы зодчих Ферганской долины XVI—XIX вв.— «Архитектурное наследство», 22. М., 1974, стр. 97—107.
 Ковровые изделия Средней Азии. Из собрания, составленного А. А. Боголюбовым, вып. I—II. СПб., 1908, 1909.
 Мендикулов М. М. Памятники архитектуры полуострова Мангышлака и Западного Устюрта. Алма-Ата, 1956.
 Нусов В. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. Фрунзе, 1971.
 Поляков С. П. Этническая история Северо-Западной Туркмении в средние века. М., 1973.
 Пугаченкова Г. А. и Ремпель Л. И. История искусства Узбекистана с древнейших времен до середины девятнадцатого века. М., 1965.
 Среднеазиатские миниатюры XVI—XVIII вв. Вступительная статья Н. В. Дьяконовой. М., 1964.
 Фелькерзам А. Старинные ковры Средней Азии.— «Старые годы», 1914, октябрь—декабрь, стр. 57—113; 1915, июнь, стр. 17—40.
 Azadi S. Turkmenische Teppiche und die ethnographische Bedeutung ihrer Ornamente. Hamburg, 1970.

371. И. Старов. Церковь Григория Просветителя в Новом Нахичеване. 1783—1807 гг.
 372. Караван-сарай в Эрзеруме. Интерьер главного помещения. XVIII в.
 373. Мост через реку Касах в Ошакане. 1706 г.
 374. Колокольня церкви Рипсиме в Эчмиадзине. 1790 г.
 375. Нагаш Овнатан. Царь Трдат, Ашхен и Хосровадухт. Фрагмент росписи Эчмиадзинского собора. Темпера. Начало XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 376. Арутюн Овнатанян. Прославление Богоматери. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 377. Арутюн Овнатанян (?). Богоматерь. Правая часть диптиха «Благовещение». Роспись Эчмиадзинского собора. Х., м. XVIII в.
 378. Арутюн Овнатанян (?). Поклонение волхвов. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 379. О. Овнатанян. Давид Анахт (Непобедимый), известный армянский философ раннего средневековья. XVIII в. Эчмиадзинский собор
 380. Акоп (старший) Овнатанян (?). Жертвоприношение Ноя. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 381. Акоп (старший) Овнатанян (?). Жертвоприношение Авраама. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 382. Неизвестный художник. Католикос Аристакеc. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 383. Неизвестный художник. Богоматерь с младенцем, Григорием Просветителем, Иоанном Крестителем и двенадцатью апостолами. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 384. Неизвестный художник. Богоматерь с апостолами Петром и Павлом. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 385. Неизвестный художник. Портрет молодой женщины с сыном. Х., м. XVIII в. Государственная картинная галерея Армении. Ереван
 386. Оклад евангелия. Серебро. XVIII в. Матенадаран. Ереван
 387. Церковная завеса. Набойка. XVIII в. Государственный музей искусства народов Востока. Москва
 388. Полотенце с вышивкой. XVIII в. Эчмиадзинский собор
 389. Полотенце с народной вышивкой. XVIII в. Музей народного искусства. Ереван
 390. С. Гмелин. Вид Баку. Рисунок. 1769 г.
 391. 1—2. Купольный дом в Гандже (Кировабад). Разрез и фасад. 3. Дом в селе Джары. Фасад. 4. Дом в селе Верхние Акулисы Нахичеванской АССР. Фасад. XVIII в.
 392. Мавзолей Имамзаде в Нахичевани. XVIII в.
 393. Дворец шекинских ханов в Шеки (Нуха). Зал первого этажа. XVIII — начало XIX в.
 394. Дворец шекинских ханов в Шеки (Нуха). Зал второго этажа. XVIII — начало XIX в.
 395. Изображение девушки. Роспись дома Шекихановых в Шеки (Нуха). XVIII в.
 396. Ковер из села Сураханы. Около 1800 г. Частное собрание. ФРГ
 397. Ковер дамгалы из Казах. XVIII в. Частное собрание. ФРГ
 398. Безворсовый ковер из Карабаха. XVIII в. Фрагмент. Киевский музей западного и восточного искусства
 399. Шапка с тамбурной вышивкой из Шуши. XVIII в. Азербайджанский государственный музей имени Р. Мустафаева. Баку
 400. Медная чаша из Лагича. XVIII в. Государственный музей азербайджанского ковра и народно-прикладного искусства. Баку
 401. Резной ларец из Нахичевани. XVIII в. Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева. Баку
 402. Медный кувшин из Ганджи. XVIII в. Азербайджанский государственный музей искусств имени Р. Мустафаева. Баку
 403. Надгробие из Кубы. 1795 г.
 404. Торговый купол — чорсу в Шахрисябзе. XVIII в. Разрез и план
 405. Торговый купол — чорсу в Самарканде. XVIII в. План
 406. Мавзолей Ходжамны Кабры в Намангане. 50-е гг. XVIII в. Угловая колонна
 407. Башни ограды мавзолея Зулькарнайна в Маргилане. 1721/22 г.
 408. Мазар Кафтарлик в Маргилане. XVIII в.
 409. Мечеть-медресе в Ханки. XVIII в. План
 410. Дверь медресе Мир в Коканде. XVIII в. Рисунки орнамента
 411. Капитель колонны из айвана мечети Ханака в Маргилане. 1790 г.
 412. Мечеть некрополя Бенеу на полуострове Мангышлак. Начало XVIII в.
 413. Намогильный камень. Некрополь Камыспай на полуострове Мангышлак. Конец XVIII в.
 414. Йомудский осмолдук. XVIII в. Государственный музей искусства народов Востока. Москва
 415. Текинский ковер гилем. Конец XVIII в. Фрагмент. Государственный Эрмитаж. Ленинград
 416. Медный сосуд из Бухары. Государственный музей искусств Узбекской ССР. Ташкент
 417. Миниатюра «Юсуф и Зулейха едут в сады». Дарваз. 1797/98 г. Государственный Эрмитаж
- На суперобложке: Ф. Рокотов. Портрет неизвестного в треуголке. Начало 70-х гг. XVIII в. Государственная Третьяковская галерея. Москва

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ <i>М. А. Орлова</i>	5	ИСКУССТВО ГРУЗИИ <u>Ш. Я. Амиранашвили</u>	365
РУССКОЕ ИСКУССТВО <i>М. А. Орлова</i> (введение, графика, живопись), <i>О. С. Евангулова</i> (архитектура первой половины XVIII в.), <i>И. В. Рязанцев</i> (архитектура второй половины XVIII в.), <i>Р. Я. Аболина</i> (скульптура), <i>Н. Н. Банковский</i> (деревянная скульптура), <i>И. М. Бибикова</i> (прикладное искусство)	11	ИСКУССТВО АРМЕНИИ <i>О. Х. Халпахчьян</i> (архитектура), <i>Р. Г. Драмлян</i> (живопись), <i>С. С. Давтян</i> (прикладное искусство), <i>И. Р. Драмлян</i> (оклады рукописей)	379
ИСКУССТВО УКРАИНЫ <i>Г. Н. Логвин</i> (введение, архитектура, скульптура, прикладное искусство), <i>Л. С. Милева</i> (живопись, графика)	159	ИСКУССТВО АЗЕРБАЙДЖАНА <i>К. Д. Керимов</i> , <i>Р. С. Эфендиев</i>	399
ИСКУССТВО БЕЛОРУССИИ <i>М. С. Кацер</i>	225	ИСКУССТВО СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА <i>В. Л. Воронина</i>	413
ИСКУССТВО ЛИТВЫ <i>К. К. Чербуленас</i> , <i>П. К. Галауне</i> (консультант)	253	ПРИМЕЧАНИЯ	427
ИСКУССТВО ЛАТВИИ <i>Р. К. Бем</i> , <i>Ю. У. Скулме</i> , <i>С. М. Червонная</i> ; <i>И. Н. Ланцманис</i> (прикладное искусство)	289	SUMMARY	433
ИСКУССТВО ЭСТОНИИ <i>Л. Ю. Генс</i> (архитектура второй половины XVII в.), <i>М. А. Лумисте</i> (искусство второй половины XVII в.), <i>Х. Я. Юпрус</i> (архитектура и искусство XVIII в.)	329	БИБЛИОГРАФИЯ	436
ИСКУССТВО МОЛДАВИИ <u>К. Д. Роднин</u>	357	СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИИ	443
		LIST OF ILLUSTRATIONS	453
		УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН ЗОДЧИХ, ЖИВОПИСЦЕВ, ГРАФИКОВ, СКУЛЬПТОРОВ И МАСТЕРОВ ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ	563